

М. Дэвид-Фокс (Вашингтон, США)

ИДЕОЛОГИЯ КАК ТЕАТРАЛЬНОСТЬ: СЛУЧАЙ АНДРЕ ЖИДА

Данная работа представляет собой попытку соединить два разных аспекта исследования. Первый аспект – общие концептуальные размышления о природе и роли идеологии в советском контексте. Второй – изучение конкретного исторического случая (case study) взаимоотношений между западным интеллектуалом и сталинским культурно-идеологическим аппаратом в 1930-х гг. Речь идет о пребывании французского писателя Андре Жида в СССР в 1936 г. Это был едва ли ни единственный случай, когда один из самых известных «попутчиков» был приглашен приехать с торжественным визитом такого масштаба и по возвращении публично критиковал советский строй. Связывая эти два аспекта работы, мы постараемся применить продуктивный, на наш взгляд, подход к идеологии при рассмотрении данного конкретного примера.

Говоря об идеологии, мы исходим из того, что подавляющее большинство историков советской культуры крайне редко пишут детально и эксплицитно о том, как определить идеологию и как понять и оценить ее роль в советской истории¹. Не будучи в состоянии обойтись без понятия «идеология», они при этом часто воспринимают идеологию как нечто само собой разумеющееся и не требующее определения. За редким исключением исследователи советской культурной истории, даже самые интересные и глубокие, пишут об идеологических явлениях без глубокого анализа самого понятия «идеология»².

В чем причина такого положения дел? Что касается западных историков, причин, очевидно, две. Во-первых, научное исследование советской истории началось на пике популярности теории тоталитаризма. Первым пунктом в списке признаков тоталитарного общества, который дается в известной работе К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956) – наличие «официальной идеологии, доктрины, объясняющей все стороны человеческого существования». По мнению авторов этого классического труда, когда тоталитарная идеология сталкивается с реальностью, она изменяет реальность и, таким образом, в этом случае сознание определяет бытие, а не наоборот³. Конечно, в ходе разработки теории тоталитаризма были и более тонкие определения идеологии, как, например, у Ханны Арендт⁴. Однако в течение ряда десятилетий западные историки советского периода ассоциировали идеологию с четкой официальной доктриной и с подобным весьма прямолинейным представлением о роли идей в историческом процессе⁵.

Найджел Гулд Дэвис, говоря о принятой в исследованиях холодной войны устойчивой дихотомии между идеологией и реальной политикой, блестяще развенчивает целый ряд ошибочных представлений об идеологии, а именно, что идеология всегда функционирует в соответствии с неким идеальным планом или намеченной программой; что идеология обязательно отличается агрессивностью, негибкостью и исключает возможность компромисса с идейным врагом⁶. Большинство подобных утверждений, являющихся, как показывает Н. Гулд Дэвис, следствием ошибочных постулатов о роли идеологии в советской внешней политике, могут быть, *mutatis mutandis*, обнаружены и в рассмотрении внутренней политики и истории СССР. Во всех случаях природа идеологии редуцируется, ее границы и ее влияние представляются четко очерченными; идеология понимается как дискретный компонент, отдельно взятый исторический фактор, который можно выделить, определить, отграничить в процессе рассмотрения исторической причинности. Предполагается, что идеология в политике зиждется на догмах и жестко противопоставляется рационально-прагматическому, экономически обусловленному подходу. Идеология, таким образом, оказывается полярно противоположна практическому интересу, выгоде и рациональному подходу.

Именно в этом духе писал в самом конце прошлого столетия об идеологии известный интеллектуальный историк Мартин Малиа, продолжая нео-тоталитарную традицию в историографии советского периода. В своих многочисленных работах М. Малиа понимал идеологию как утопическую «первопричину» советской истории. Порой он трактовал идеологию как мировоззрение, но чаще всего определял ее как четкий корпус идей марксизма-ленинизма, структурирующий ход советского развития⁷. В итоге, по иронии судьбы, после поворота к «новой культурной истории» в 1990-е гг., историки культуры, видимо реагируя на подобные подходы, предпочитали не акцентировать внимание на определении понятия «идеология». В итоге исследователи нового поколения детально и тонко писали о многих идеологических явлениях, обходясь без теории или эксплицитного определения идеологии.

Вторая причина отсутствия научных трудов о природе идеологии носит более общий характер. В общественных науках существует давняя традиция понимать идеологию как иррациональный феномен – в противоположность рациональным интересам. Клиффорд Гирц еще в 1973 году писал: «По грустной иронии современной истории, понятие «идеология» само стало совершенно идеологическим»⁸. Терри Иглтон в своей прекрасной книге «Идеология: Введение» (2007) составил список из семнадцати разных определений идеологии, которые можно встретить в научных работах, причем некоторые из них очевидно противоречат друг

другу. Но самое популярное из этих определений, как пишет Иглтон, следующее: «Я вижу вещи, как они есть, ты же видишь их искаженно из-за эффекта туннельного зрения, порожденного ошибочной доктриной»⁹.

В этом контексте, как кажется, полезно обратиться к другим способам понимания идеологии, которая не сводима только к официальной доктрине. Здесь будет уместно припомнить индийскую притчу «Слепые и слон»: группа слепцов ощупывает слона, пытаясь понять, что он собой представляет. Каждый из них обследует только одну часть животного – ногу, бивень, уши, корпус или хвост, и при этом каждый считает, что теперь он знает, что такое слон. По одной из версий притчи, только начав делиться друг с другом своими впечатлениями, эти «исследователи» поняли, что они слепы. В стихотворении Джона Годфри Сакса «Слепые и слон» (1873) слепцы уподобляются ученым-теологам. Как сказано в предпоследней строфе стихотворения, мудрецы из Индостана «в горячих спорах стояли твердо на своем», причем «был каждый в чем-то прав, но ошибались все»¹⁰.

В контексте советской истории идеология – действительно огромный «слон». Можно согласиться с тем, что *доктрина* – это корпус слона, самая внушительная его часть; однако даже корпус – еще не целое животное. В своей книге «Пересекая границы: современность, идеология и культура в Советской России» (2015) я рассматриваю пять других важных аспектов понятия. Например, идеология как *мировоззрение* может опираться на доктрину, но такой подход позволяет нам увидеть «диффузность» доктрины, синкретический характер, какой она принимает в восприятии конкретных людей. Можно изучать идеологию и как *веру*, и как *дискурс*, и как ключевое понятие для исторических деятелей и идеологов, то есть, подходить к идеологии исторически и проследить ее *Begriffsgeschichte*¹¹. Однако в советском контексте, и, в особенности, в связи с поездкой Андре Жида в Советский Союз, особенно уместно обратиться к *театральной составляющей* идеологии. Обращаясь к рассмотрению именно этого аспекта, необходимо подчеркнуть, что все способы понимания идеологии тесно взаимосвязаны и не исключают друг друга. Так, например, *идеология как доктрина* является более узким понятием, чем мировоззрение. Также можно четко обозначить и разницу между *идеологией как театральностью* и *идеологией как верой*. Например, участие в идеологических ритуалах и вообще перформативное идеологическое поведение не обязательно означает, что ритуалы создают ту веру, которая часто придает идеологиям их силу. Идеология как театральность может служить распространению доктрины, но при этом в какой-то момент форма, в которую облачается идеология, становится более существенной, чем ее содержание¹². Можно проследить и то,

как использовалось то или иное понятие на в ходе истории, но какие бы открытия мы ни сделали, исторические смыслы вряд ли помогут нам точно определить и отграничить это понятие в условиях нашей современности. С другой стороны, термин «дискурс» у ряда исследователей может оказаться достаточно широким и вмещать понятия и *доктрины*, и *мировоззрения*, и прочие векторы исторического анализа. В итоге такой расширительный подход, усматривающий преимущества в одновременном исследовании многих ипостасей идеологии, демонстрирует свою состоятельность и успешно противостоит редукционизму односторонних определений, которые, однако же, на практике нередко исподволь подвергаются расширению. В такой ситуации естественно напрашивается вывод, что для исторической науки было бы весьма продуктивно эксплицитировать смыслы, заложенные в понятие «идеология». Слон из восточной притчи состоит из многих элементов; сосредоточившись только на одном из них в ущерб всем прочим, мы не сможем увидеть этого зверя в его целокупности.

* * *

Переходя к теме советских «культпоказов», следует отметить, что в 1930-е гг. в СССР прием иностранных писателей и, шире, интеллектуалов, стал намного более театральным, чем в предшествующее десятилетие. Конечно, маршруты, объекты показа, методология (все то, что, собственно и называлось «культпоказом» в советском новоязе) уже существовали в 1920-е гг. Но инсценировки этих визитов, превратившись в крупную государственную «индустрию», стали в 1930-х еще более ригидными. Поездки «друзей Советского Союза» приобрели характер масштабных, тщательно подготовленных, помпезных мероприятий¹³. В 1930-х гг. ряд самых видных визитеров, таких, как Ромен Роллан и Л. Фейхтвангер, встречались со Сталиным в Кремле и, вольно или невольно, внесли вклад в ритуальный культ Вождя тех лет¹⁴. Вся советская политическая культура той эпохи была предельно ритуализирована. Крупные писатели-«попутчики», такие, как А. Жид или Р. Роллан, должны были подписывать различные высказывания, выступать по поводу разных юбилеев в советской и антифашистской прессе и участвовать в других ритуальных акциях. Хотя А. Жид после 1936 г. стал известен как критик советского строя, однако будучи в СССР, он появился вместе со Сталиным на Мавзолее и говорил о писателях, используя ритуальную формулу «инженеры человеческих душ»¹⁵.

Стоит подчеркнуть, что для Жида, как и для многих «попутчиков», особенно писателей, содержание советской идеологической доктрины было не так важно. Жид, как и многие западные левые интеллектуалы-друзья СССР, никогда не был марксистом и не разбирался в марксизме.

В 1920-е гг. он был антиколониалистом, антифашистом и борцом против любого давления на культуру. Но, главное, автор повести «Имморалист» был эстетом и всегда выступал против буржуазного конформизма во Франции. Естественно, что он долго сопротивлялся советским требованиям выступить по сугубо политическим темам¹⁶.

Театральное измерение советской идеологии было чуждо Жиду, торжественность и помпезность культурно-идеологических ритуалов ассоциировалась у него с конформизмом¹⁷. Роллан, опытный теоретик массовых фестивалей начала XX века, в этом отношении отличался от Жида: он, напротив, одобрял монументальность сталинской культуры и ничего не имел против грандиозного юбилея, устроенного в его честь 1935 г. в Московской консерватории. В искусстве Роллан также не отвергал дидактизм и массовость и не сожалел, в отличие от Жида и Фейхтвангера, об умирании советского авангарда.

Тщательная инсценировка визитов иностранцев, долгая подготовка и работа посредников или «медиаторов»¹⁸ гарантировали успешное исполнение «актерами» – иностранными визитерами своих ролей. Когда планировался визит А. Жида в СССР, Илья Эренбург, Михаил Кольцов и другие советские эмиссары и посредники тщательно подготовили почву для его приезда еще в Париже. Однако Жид приехал со своим «альтернативным окружением». В его «свите» были француз Пьер Эрбар и голландец Джеф Ласт – коммунисты, хорошо знавшие советскую жизнь, и хорошо осведомленные критики сталинской России. Все прочие члены делегации были молодые писатели, лично преданные Жиду¹⁹. До поездки в СССР Дж. Ласт рассказал Жиду о бесконечных приемах и речах, которые ожидали там всех знаменитых гостей. «Если Вы поедете в СССР с официальным визитом в качестве знаменитости, то попадете в глупейшее положение, – писал он Жиду. – Вы никогда не увидите СССР таким, каков он на самом деле»²⁰.

Советские чиновники от культуры, готовившие поездку Жида в СССР, – глава Иностранной комиссии ССП М. Кольцов и председатель ВОКС А. Аросев, были лично знакомы с Жидом и представляли себе его предпочтения и его личностные особенности. Они знали, что он терпеть не может официоза и политических ритуалов и, напротив, высоко ценит нонконформизм и независимость художника. Но хотя это было им известно, советские правила приема именитых «друзей СССР» середины 1930-х никак не позволяли снизить уровень помпезности и масштабности мероприятий. Иностранная комиссия ССП за месяц до визита Жида, начавшегося 17 июня 1936 г., разработала «целую систему подготовительных мероприятий», в числе которых была и кампания «популяризации» творчества Жида на читательских конференциях и в печати – с тем, чтобы к встрече с писателем советские люди уже

ознакомились с его творчеством. Жид ужаснулся, когда узнал от Эрбара, что задолго до визита в СССР было напечатано 300 тыс. открыток с его изображением: «Но ведь каждый меня узнает!»²¹.

Итак, Жид столкнулся с театральной стороной сталинской идеологии – ритуальным гостеприимством. Официальные приемы и речи входили в число ритуалов сталинизма, и участие в них знаменитых иностранцев было ключевым идеологическим моментом.

Еще в 1924 г. Жид выпустил большим тиражом книгу «Коридон», для которой он несколько десятилетий собирал материалы, и которая представлял собой «первую серьезную попытку автора-гомосексуалиста защитить гомосексуальную практику в глазах широкой общественности»²². Жид был далеко не единственным, кто, симпатизируя коммунизму, надеялся, что революция принесет одновременно и социальную, и сексуальную свободу. С конца 1920-х гг. Жид, как и целый ряд деятелей Коминтерна и сторонников СССР, ассоциировал коммунизм с сексуальным раскрепощением²³. Как показывает французский специалист Моника Неме, Жид приравнивал маргинальность гомосексуалистов к маргинальному положению рабочего класса при капитализме. Жид и его окружение приветствовали декриминализацию гомосексуализма в СССР; советский закон 1934 года, который ввел уголовную ответственность за гомосексуализм, также активно обсуждался в их кругу²⁴. Согласно множеству источников, Жид всерьез надеялся обсудить этот вопрос со Сталиным²⁵. Однако в ходе его поездки стало ясно, что вождь не собирается приглашать его в Кремль. В отчете, направленном в НКВД информатором из Союза писателей, к тому времени, когда Жид и Пьер Эрбар, молодой литератор из «альтернативного окружения» Жида, встретились с Борисом Пастернаком в писательском поселке Переделкино в августе 1936 г., сообщалось, что Жид уже собирался написать недоброжелательную статью о недостатке «личной свободы», лицемерии и мелкобуржуазном конформизме в СССР²⁶. Очевидно, что Жид, с одной стороны, был разочарован тем, что его надежды лично встретиться со Сталиным и повлиять на решения оказались иллюзорными. С другой, череда бесконечных банкетов, приемов, митингов, официальных встреч наглядно продемонстрировали ему конформизм и мелкобуржуазный дух сталинизма и его культуры.

Театральность, ставшая в период зрелого сталинизма неотъемлемым элементом советской идеологии и включавшая в себя ритуальное паломничество западных интеллектуалов как знак признания советского превосходства, вызвала у А. Жида резкую реакцию отторжения и была воспринята им как знак конформизма и отклонения от правильного развития революции. «Случай» Андре Жида не может быть адекватно понят и интерпретирован, если идеология будет понимать-

ся только как доктрина – при игнорировании ее театрального измерения, крайне важного для эпохи сталинизма.

Примечания

¹ Об этом см.: *Brandenberge, D.* Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941. New Haven, CT: Yale University Press, 2011. P. 1.

² См.: *David-Fox M.* The Blind Men and the Elephant: Six Faces of Ideology in the Soviet Context // *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh, PA: Pittsburgh University Press, 2015.

³ *Friedrich C. J., Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956. P. 9, 74, 84–85. Гл. 7–10 указ. соч. посвящены тоталитарной идеологии.

⁴ *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism., 2nd ed. Cleveland, OH; NY: Meridian Books, 1958. P. 470–471.

⁵ *Smith S.* Two Cheers for the ‘Return of Ideology // *Revolutionary Russia*. Vol. 17. № 2. Dec. 2004. P. 119–135.

⁶ *Gould-Davies N.* Rethinking the Role of Ideology in International Politics During the Cold War // *Journal of Cold War Studies*. Vol. 1, № 1. 1999: P. 90–109.

⁷ См. в особенности: *Malia M.* The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York: Free Press, 1994; *Idem.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. Chap. 5. Тж. см. о М. Малиа: *Kotsonis Y.* The Ideology of Martin Malia // *Russian Review*. Vol. 58, № 1. Jan. 1999. P. 124–130.

⁸ *Гурц К.* Интерпретация культур. М.: РОСПЭН, 2004. С. 224.

⁹ *Eagleton T.* Ideology: An Introduction. New York: Verso, 2007. P. 3–4. Схожие идеи высказывает М. Фриден: *Freedon M.* Editorial: On Pluralism through the Prism of Ideology // *Journal of Political Ideologies*. Vol. 7, № 1. 2002. P. 5; *Idem.* Editorial: What Is Special about Ideologies? // *Journal of Political Ideologies*. Vol. 6, № 1. 2001. P. 5–12.

¹⁰ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Blind_men_and_an_elephant. Стихотворение Дж. Г. Сакса известно в рус. пер. С. Маршака («Ученый спор»).

¹¹ История термина (нем.).

¹² Подробнее см.: *David-Fox M.* The Blind Men and the Elephant: Six Faces of Ideology in the Soviet Context.

¹³ См. последние публикации по этой теме: *Mazuy R.* Croire plutôt que coire? Voyages en Russie soviétique (1919–1939). Paris: Odile Jacob, 2002; *Голубев А. В.* «Взгляд на землю обетованную...» Из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х гг. М.: Институт истории РАН, 2004; *Stern L.* Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–1940: From Red Square to the Left Bank. L.: Routledge, 2007; *Political Tourists: Travellers from Australia to the Soviet Union in the 1920s–1940s / Eds. S. Fitzpatrick, C. Rasmussen.* Melbourne: Melbourne University Press, 2008; *Oberloskamp E.* Fremde neue Welten: Reisen deutscher und französischer Linksintellektueller in die Sowjetunion 1917–1939. Munich: Olden-

bourg, 2011; Cousu de fil rouge: Voyages des intellectuels français en Union soviétique / Ed. S. Coeuré, R. Mazuy. Paris: CNRS, 2012; Fayet J.-F. VOKS. Le laboratoire helvétique: Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. Chêne-Bourg: Georg éditeur, 2014; Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

¹⁴ См. о Роллане: David-Fox M. The 'Heroic Life' of a Friend of Stalinism: Romain Rolland and Soviet Culture // Slavonica, Vol. 11, № 1. April 2005. P. 3–29; о Фейхтвангере: Hartmann A. Der Stalinverstehere: Lion Feuchtwanger in Moskau 1937 // Osteuropa. Vol. 64. № 11–12. 2014. P. 59–80.

¹⁵ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. С. 446, 509.

¹⁶ Nemer M. Corydon Citoyen: Essai sur André Gide et l'homosexualité. Paris: Gallimard, 2006; Caute D. The Fellow-Travelers: Intellectual Friends of Communism. Rev. ed. New Haven, CT: Yale University Press, 1983; Sheridan A. André Gide: A Life in the Present Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1999;

¹⁷ Жид А. Поправки к моему «Возвращению из СССР» / Пер. А. Лапченко // Жид А. Собр. соч.: в 7 т. Т. 7. М.: Терра-Книжный клуб, 2002. С. 423–427; Herbart P. En U.R.S.S. Paris: Gallimard, 1937.

¹⁸ О «медаторах» см.: Coeuré S. 'Comme ils disent SSSR': Louis Aragon et l'Union soviétique dans les années 1930 // Les engagements d'Aragon / Ed. J. Girault, B. Lecherbonnier. Paris: L'Harmattan, 1997. P. 59–67, 62–65. Об иностранных писателях в СССР см. информативные работы: Максименков Л. В. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 242–2916, № 3. С. 274–353; Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков. М.: Материк, Международный фонд «Демократия», 2005.

¹⁹ Лучшее исследование об окружении Жида, к сожалению, так и не вышедшее в виде монографии – Talks F. L. André Gide's Companions on his Journey to the Soviet Union in 1936: Jacques Schiffrin, Eugène Dabit, Louis Guilloux, Jef Last and Pierre Herbart. Ph.D. diss., University of Warwick, 1987.

²⁰ Цит. по: Sheridan A. André Gide. P. 483.

²¹ Заседание Иностранной комиссии ССП 29.05.1936 г. РГАЛИ. Ф, 631. Оп.14. Ед. хр. 5. Л. 19. Об открытках см.: Sheridan A. André Gide. P. 498; Herbart P. En U.R.S.S. P. 85; Жид А. Поправки к моему «Возвращению из СССР». С. 423.

²² Sheridan A. André Gide. P. 626.

²³ О реакции западных интеллектуалов на отношение к гомосексуализму в СССР см. третью главу соч.: Oberloskamp E. Fremde neue Welten.

²⁴ Nemer M. Corydon Citoyen, P. 266–283; André Gide. Jef Last. Correspondance, 1934–1950 / Ed. C. J. Greschoft. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1985.

²⁵ См.: Talks F. L. André Gide's Companions... P. 520–521.

²⁶ Maximenkov L.; Barnes C. Boris Pasternak in August 1936–An NKVD Memorandum // Toronto Slavic Quarterly. № 6. Fall 2003. – URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/06/pasternak06.shtml>.